

И. С. Ратьковский

Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г.

Статья посвящена причинам, подготовке и проведению операции по разоружению анархистов в Москве. Рассматриваются ключевые объекты (московские особняки), занятые в Москве анархистами и их акции экспроприации. В статье анализируется ход разоружения, его итоги. Подчеркивается, как роль конкретных деятелей в проведении операции, так и роль советских организаций, в первую очередь ВЧК

Ключевые слова: ВЧК, Ф. Э. Дзержинский, История российского революционного движения, Гражданская война в России, репрессии, Москва 1918, анархизм

Ilya S. Ratkovsky

Disarmament of anarchists in Moscow in April of 1918

The article is devoted to the preparation and conduct of the operation to disarm the anarchists in Moscow. Key objects are discussed – Moscow mansions occupied by anarchists and their actions of expropriations. The article gives the analysis of the progress of disarmament and its final results. Role of concrete persons in the operation and role of Soviet organizations primarily the CheKa are emphasized in the article.

Keywords: Cheka, Felix Dzerzhinsky, History of Russian Revolutionary Movement, Russian Civil War, Repression, Moscow, 1918, anarchism

Борьба с бандитизмом была одним из основных направлений деятельности ВЧК в период ее пребывания в Петрограде. Так, даже в последний день пребывания в городе на Неве, ВЧК расстреляла трех бандитов, занимавшихся помимо грабежей изготовлением и распространением фальшивых денежных знаков. При их задержании был тяжело ранен чекист И. Чегунихин¹. При этом чекисты справедливо считали, что, фальшивомонетничество часто было лишь одним из проявлений бандитизма и контрреволюции в период гражданской войны².

Схожие проблемы, связанные с бандитизмом встали перед ВЧК и после переезда ее в Москву. Характерной была следующая история. Группа чекистов, зашедшая 20 марта в чайную «Отрада» подверглась немедленному нападению, чекист-самокатчик Гноевой был убит. Владелец чайной А. Г. Мгалоблишвили ждал прихода бандитов-рэкетиров и принял чекистский отряд за приход преступников. Руководством ВЧК этот инцидент был воспринят как прямой вызов. В ночь на 22 марта по приговору коллегии ВЧК за спекуляцию оружием и убийство самокатчика ВЧК, пьянство и разгульную жизнь были расстреляны Р. С. Гигашвили, В. Е. Джикидзе (непосредственные участники убийства), С. С. Яковлев, В. Герасимов, С. Абрамов и Л. П. Федоров (за вымогательство, продажу оружия и «дикий разгул»). По распоряжению Ф. Э. Дзержинского от 22 марта их имущество было реквизировано и передано на склад вещей и денег, конфискованных в пользу Республики. Отметим,

что в результате этого мартовского инцидента многие грузинские владельцы московских чайных и кафе были высланы из столицы³.

В этот же период были расстреляны за бандитизм и несколько анархистов группы «Ураган». Согласно Я. Х. Петерсу, Дзержинскому пришлось оправдываться за это решение коллегии ВЧК перед представителями Моссовета. Однако, Дзержинский, не только не признал неправомерности данного расстрела, но и потребовал новых решительных мер против анархистских отрядов в Москве⁴.

Очевидно, это складывалось не только исходя из петроградской практики ВЧК, но и с учетом новых контактов чекистов с анархистами уже в Москве. Ситуация была парадоксальной, так как сначала в Москве ВЧК заняла для своих нужд бывший особняк графини Н. М. Соллогуб на Поварской, д. 52, хорошо известный как «Дом Ростовых». И рядом, на той же улице, находились занятые анархистами особняки. Так, ими еще в феврале 1918 г. был занят просторный особняк Е. Д. Дункер на Поварской, д. 9. При этом анархисты группы «Независимые» сразу же вывезли ценности из всех 42 комнат первого этажа особняка⁵. Отметим и занятие анархистами соседнего особняка Грачева на ул. Поварская, д. 7. Совсем рядом с этими особняками, 14 марта анархистами была предпринята попытка захвата особняка Я. М. Шлосберга по адресу Поварская, д. 46. Он был занят Петроградским партизанским отрядом анархо-синдикалистов, прибывшим поездом из прежней столицы. При этом отряд

Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г.

выселил из особняка, ранее находившуюся там комиссию «Молоко детям», снабжавшую молоком детей малоимущих москвичей. Узнав о случившемся, московские анархисты приказали отряду немедленно освободить особняк, но сам факт захвата особняка был красноречив. Противоречивые данные фиксируются и о другом занятом анархистами по соседству особняке – на Поварской улице, д. 6. Поэтому многие мартовские мероприятия анархистов проходили буквально перед глазами чекистов. Переезд чекистов в апреле 1918 г. на новый московский адрес, в здание бывшего страхового общества «Якорь» (Б. Лубянка, д. 11) лишь отчасти сгладил ситуацию, так как конфликт ВЧК и анархистов крылся не только в «соседском расположении».

Анархистское движение на тот период в Москве насчитывало в своих рядах около двух тысяч человек, большая часть из которых входила в созданный 31 января 1918 г. Л. Черным, М. Крупениным, В. Бармашем и А. Гординым «Совет Московской федерации анархистских групп» (МФАГ). Анархистская федерация включала в себя 50 самых различных анархических групп и отрядов: «Авангард», «Автономия», «Анархо-синдикалисты», «Борцы», «Буревестник», «Буря», «Братство», «Граком», «Коммуна», «Лава», «Лесма», «Независимые», «Немедленные социалисты», «Смерч», «Студенческая группа», «Ураган» и многие другие. Позднее к ним присоединился Самарский партизанский отряд и ряд других более мелких отрядов. Также, в столице находилось много анархистских групп, не контролируемых МФАГ.

Главный штаб анархистского движения находился на Малой Дмитровке, д. 6, в так называемом «Доме Анархии», ранее московском купеческом клубе. Особняк был уже давно занят анархистами и находился под охраной нескольких пулеметов и горного орудия. В Моссовете 15 февраля, 21 февраля и позднее, несколько раз ставился вопрос об освобождении анархистами этого и других захваченных особняков. Однако руководители Федерации игнорировали требования Советской власти. Позднее, 26 марта 1918 г., они уже официально известили Моссовет о своем праве на занятое ими ранее помещение бывшего Купеческого собрания. В этом же извещении говорилось и о праве владения всего находившегося там имущества⁶.

При этом, формально, находившийся во введении анархистского руководства, особняк также использовался антисоветским подпольем, в т. ч. савинковским «Союзом Защиты Родины и Свободы» (СЗРиС). Согласно свидетельству члена СЗРиС В. Ф. Клементьева, малодмитриевский особняк практически полностью контро-

лировался савинковцами. Даже комендантом особняка был видный представитель руководства СЗРиС подполковник Бредис⁷. В анархистскую организацию, для того чтобы хранить в особняках оружие, а также для размещения членов организации, вступил и член Союза А. А. Виленкин. Всего же весной 1918 г. Б. В. Савинков разместил в московских анархистских особняках около 60–70 офицеров своей организации⁸. При этом речь шла о нескольких особняках. Широко использовался СЗРиС и особняк С. П. Рябушинского в переулке Сивцев вражек, д. 30, более известный, как дом Аксаковых, где также комендантом был свой человек⁹. При этом данный «анархистский клуб» практически пустовал, резервируя место для приезжающих в будущем офицеров. Заметим, что поблизости от Дома Анархии, на той же улице, находился захваченный анархистами особняк Е. М. Паутынской (Малая Дмитровка, д. 6). Таким образом, анархисты (савинковцы) создали на Малой Дмитровке крупный укрепленный пункт.

Были в центре Москвы и другие, выгодно расположенные особняки, занятые к апрелю анархистами. Например, особняк Паутынской заняла латышская группа «Liesma». Как вспоминали ее члены позднее, «поскольку в нем жили, нам пришлось делить его с прежними обитателями (владельцем), и группа пользовалась лишь половиной дома. Вторая половина со всем, что к ней принадлежало (кроме некоторой мебели и библиотеки), была отдана владельцу с правом арендовать ее»¹⁰. Группа «Liesma» успела к этому времени освоить уже несколько домов и особняков. С прибытием латышской группы в Москву из Харькова, по ордеру ревкома, группа «Liesma» совместно с русской группой «Коммуна» заняли особняк В. Е. Морозова с двумя флигелями во Введенском переулке, д. 21. Один из флигелей заняла «Коммуна», которая лишь недавно организовалась и еще не имела своих помещений. Другой флигель «Liesma» заняла для товарищей из Харькова, которые должны были прибыть в Москву в начале апреля. Существуют обстоятельства, указывающие на связь этой группы анархистов также с савинковской организацией, где к этому моменту были представлены многие латышские офицеры. Дополнительно для членов анархистской группы, уже находившейся в Москве, был занят небольшой дом по адресу Пресненский переулок, д. 3. Через пару недель там был открыт Латышский анархистский клуб группы «Liesma» («Пламя»)¹¹.

Схожей цепочкой реквизировались помещения для газеты «Анархия» (редактор В. В. Бармаш). Первоначально редакция занимала дом по адресу Мароновский переулок, д. 12. Затем, до

переезда в «Дом Анархии» в марте 1918 г., редакция размещалась по адресу Настасьинский переулок, д. 1. (в подвале дома располагалось известное «Кафе поэтов», а в соседнем здании находилась Российская ссудная касса (д. 3). При этом, многочисленные переезды редакции анархистской газеты не вели к освобождению прежних территорий, все более увеличивая количество контролируемых зданий.

Количество и «качество» занятых в Москве анархистами особняков и клубов впечатляло. Перечислим некоторые из них, помимо вышеупомянутых. В особняке купца И. М. Коровина по Малому Власьевскому переулку д. 12 обосновалось анархистское объединение «Буря». Дом Титова на Гончарной улице (в том числе находившуюся здесь одежду, серебро и драгоценности) захватила группа анархистов «Авангард». На Воздвиженке, д. 16 находился знаменитый мавританский особняк Арсения Морозова, занятый также анархистами. Благоше-Лефортовская группа разместилась на Большой Семеновской улице. В феврале анархисты группы «Братство» в Замоскворечье заняли дом Н. Д. Банкетова на Донской улице, д. 29, заявив Замоскворецкому райсовету о том, что ценности, продукты и прочее останутся у них на «хранении»¹². Анархистами также был занят особняк по адресу Покровка, д. 9 (Главный дом городской усадьбы Т. Н. Щербакова – каретных мастеров Арбатских). Находились контролируемые ими здания на улицах Большая Дмитровка, Арбат, Мясницкая, Донская, в Архангельском и Чудове переулках, Софийской набережной. Предпринимались анархистами попытки захвата монастырских зданий. Занятие указанных позднее большевистскими властями 25–26 московских особняков, в условиях дефицита представительских зданий, после переезда большевиков в Москву было одной, пускай и не основной, из причин разоружения анархистов в 1918 г.¹³

Безусловно, оказали свое влияние на принятие решения о силовом решении вопроса и другие (не только жилищные) конфликты советской власти и местных анархистских организаций. В первую очередь можно отметить определенную связь между весенней криминализацией Москвы и активизацией анархистского движения. Можно упомянуть возникший весной конфликт вокруг реквизиции 26 марта 1918 г. по подложному ордеру Моссовета с последующей продажей анархистами во главе с Ф. С. Горбовым (член ВЦИК) запасов опиума товарищества «Кавказ и Меркурий». 29 марта Горбов был арестован ВЧК, исключен из ВЦИК, позднее освобожден. Данный случай использовался для обвинения всех анархистов в многочисленных случаях ма-

родерства, спекуляций и бандитизма. Действительно, зачастую реквизированные анархистами товары продавались на сторону, лишь в незначительной степени используя для раздачи населению в рамках провозглашенного анархистами перераспределения нетрудовых доходов¹⁴. Свою роль сыграло и дело Кебурье. Последний, ограбив большой состав бывшего Всероссийского земского союза, скрылся в одном из анархистских особняков. Несмотря на требование ЧК, анархисты отказали в его выдаче органам советской власти, настаивая на его «идейности».

При этом, зачастую само занятие особняков отнюдь не всегда проходило мирным путем. 1 апреля 1918 г. московскими анархистами была предпринята попытка захвата очередного особняка на 1-й Мещанской улице. Группа в 50 вооруженных анархистов заняла особняк и приступила к расхищению имущества, находившегося в нем. Потребовалось вмешательство более серьезной вооруженной силы в лице роты Финляндского красно-советского полка и 16-го летучего отряда, для того чтобы анархисты после кратковременной беспорядочной стрельбы оставили особняк. Дело было передано в ВЧК¹⁵. Продолжались попытки захватов особняков и в последующие дни. Последнее занятие особняка, по иронии судьбы, случилось в ночь на 12 апреля, т. е. накануне акции по разоружению анархистов. При занятии особняка, в ответ на протест хозяев, требовавших разрешения от Советской власти, анархистами с нескрываемой иронией было отвечено, что «Советская власть еле дышит»¹⁶.

Фиксировались в новой столице и уголовные преступления, связанные с деятельностью анархистов. При этом количество этих случаев учащалось, по мере закрепления анархистов в Красной Москве. 4 апреля 1918 г. под видом чекистов (черные кожаные тужурки, ордер якобы ВЧК) 15 бандитов предприняли попытку ограбления дома на Космодамианской набережной Москвы. Заподозрившие неладное в «обыске» лжечекистов, во время которого бандиты со стрельбой врывались в квартиры дома, милиционеры 1-го Пятницкого комиссариата Москвы С. М. Пекалов и Е. П. Швырков вступили в неравный бой. Ограбление удалось сорвать, жильцы остались невредимыми, но оба милиционера в завязавшейся перестрелке погибли. Впоследствии, героически погибшие милиционеры были торжественно похоронены у Кремлевской стены¹⁷.

9 апреля 1918 г. анархисты угнали в Москве автомобиль принадлежащий полковнику Реймонду Роббинсу, представителю американского Красного Креста, который осуществлял контак-

Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г.

ты большевиков с правительством Соединенных Штатов. Несмотря на выдвинутые требования ВЧК анархистам, его не удалось вернуть. Ультиматум чекистов был проигнорирован¹⁸.

Имелись и другие обстоятельства вынуждавшие чекистов к незамедлительным действиям. Как свидетельствовал позднее Ф. Э. Дзержинский среди анархистов было не только много людей с уголовным прошлым, но сами анархисты использовались контрреволюционерами для будущего выступления против советской власти. Об этом, в частности, согласно Дзержинскому, свидетельствовали не только стратегические места уже занятых анархистами особняков, но и захваченные чекистами документы, в которых перечислялись новые рекомендуемые адреса для захвата зданий. Ряд этих адресов достаточно красноречив, например, адрес напротив Госбанка¹⁹. Это свидетельство подтверждает воспоминания участников событий. Чекистские данные подтверждают белые мемуары. Участник белого подполья Э. Гиацинтов вспоминал: «Не терял я связи и с нашими гренадерами²⁰, и мы все думали, как можно восстать и свергнуть большевиков. Было образовано общество анархистов, которое было очень скоро выдано из-за болтливости некоторых дам, называвших нас „анархисты-монархисты“. Мы заняли ряд домов вокруг Кремля, чтобы оттуда начать действовать против правительства»²¹. В пользу версии о подготовке анархистами вооруженного выступления (или стоящими за ними антибольшевистскими силами) весной 1918 г. говорит и один источник из анархической среды, – свидетельство А. Ге, со слов французского посланника Жака Садуля.

В условиях многочисленных случаев правых нарушений со стороны анархистов, угрозы их выступления, ВЧК переходит к решительным мерам против них. Ф. Э. Дзержинский вызвал к себе коменданта Кремля П. Д. Малькова, которому, учитывая его петроградский опыт подобных операций, поручил разработку плана захвата и разоружения анархистских особняков. Вместе с командиром 4-го Видземского полка латышских стрелков Э. Берзиным и комиссаром этого же полка П. Озолем, Мальков составил план мероприятий. В течение нескольких дней было изучено расположение особняков, занятых анархистами, обследованы подходы к ним, маршруты возможного отступления анархистов, произведен внешний осмотр зданий²².

11 апреля 1918 г. под руководством Ф. Э. Дзержинского состоялось заседание ВЧК, на котором присутствовали также представители военного ведомства, городских и районных организаций Москвы. На заседании был утверж-

ден план ликвидации анархистских точек. Особняки, занятые анархистами, были подвергнуты наружному осмотру, установлены подходы к ним. По данным разведки был разработан план операции.

Намеченное в ночь на 12 апреля 1918 г. разоружение анархистов стало, по мнению известного британского историка Э. Карра, «первым согласованным действием ВЧК»²³. В операции участвовали чекистские подразделения, 1-й автотроневого отряд ВЦИК и 4-й Видземский полк латышских стрелков, а так же части Московского гарнизона. Отряды чекистов и красноармейцев одновременно окружили известные центры анархизма в Москве, потребовав безоговорочного разоружения и освобождения самовольно занятых помещений. Относительно незначительное сопротивление анархистов было быстро подавлено превосходящими силами чекистов и солдат.

Согласно сообщению ВЧК вооруженное сопротивление было оказано только в трех местах. Большинство же особняков после самого незначительного сопротивления сдались и выдали оружие. Отчаянное сопротивление оказали только анархисты в «Доме Анархии» на Малой Дмитровке, в «Доме независимых» на Поварской ул., д. 9. и соседнем д. 7, в особняке Цейтлина и на Донской улице в доме Н. Д. Банкетова.

В советской газете сообщалось:

На Поварской улице пришлось взорвать ворота, и только тогда осаженные сдались и выдали оружие;

На Малой Дмитровке анархисты, видимо знали о предстоящем разоружении и подготовились к обороне: были выставлены пулеметы в окнах и на крышах соседних домов, расставлены часовые и даже поставлено горное орудие. На предложение сдаться раздалась ружейные выстрелы, было брошено несколько бомб. После оживленной перестрелки со стороны анархистов раздался рев пушки, тогда решено было обстрелять дома, где они засели артиллерией, Первым же выстрелом было сбито установленное анархистами горное орудие, вторым разбит подъезд дома «Анархия», – еще несколько снарядов и осажденные сдались. В доме «Анархия» найден огромный склад всевозможного оружия от револьверов до горных орудий включительно. В подвале дома обнаружены значительные запасы продовольствия²⁴.

Красочное описание освобожденных особняков на Поварской улице, с характерным акцентом на анархистский разгул в особня-

ках, также оставил британский военный агент Р. Г. Брюс Локкарт: «На Поварской, где раньше жили богатые купцы, мы заходили из дома в дом. Грязь была неописуемая. Пол был завален разбитыми бутылками, роскошные потолки изрешечены пулями. Следы крови и человеческих испражнений на обуюсонских коврах. Бесценные картины изрезаны саблями. Трупы валялись где кто упал. Среди них были офицеры в гвардейской форме, студенты – 20-летние мальчики и люди, которые, по всей видимости, принадлежали к преступному элементу, выпущенному революцией из тюрем. В роскошной гостиной в доме Грачева анархистов застигли во время оргии. Длинный стол, за которым происходил пир, был перевернут, и разбитые блюда, бокалы, бутылки шампанского представляли собой омерзительные острова в лужах крови и вина. На полу лицом вниз лежала молодая женщина. Петерс перевернул ее. Волосы у нее были распущены. Пуля пробила ей затылок, и кровь застыла зловещими пурпуровыми сгустками. Ей было не больше 20 лет. Петерс пожал плечами. – Проститутка, – сказал он, – может быть, для нее это лучше. Это было незабываемое зрелище. Большевики сделали первый шаг к восстановлению дисциплины»²⁵. Возможно, излишне натуралистическое описание и выдает отношение британского агента к разоружению анархистов, но оно же фиксировало и жертвы среди осажденных анархистов, их ожесточенное сопротивление.

Эти сообщения подтверждают и воспоминания П. Д. Малькова. Согласно им, латышскому отряду под его руководством предстояло захватить дом на Большой Дмитровке. На предложение сдать оружие, анархистами был открыт беспорядочный, но интенсивный пулеметный и винтовочный огонь. Штурму здания также мешала отделывавшая особняк от улицы высокая чугунная решетка примерно в два человеческих роста, с запертыми массивными двухстворчатыми воротами. Попытки издали подорвать ворота с помощью гранат оказались безрезультативными. Только после того как Мальков подполз к полуметровому фундаменту, на котором находилась решетка и заложил тяжелую гранату рядом с замком, удалось взорвать ворота. Последовал штурм и анархисты практически мгновенно капитулировали. Состояние особняка было опять-таки удручающим²⁶.

Более продолжительным было сопротивление в «Доме Анархии». К моменту захвата Мальковым особняка на Большой Дмитровке, там еще продолжался бой. Так, анархисты активно применяли имевшееся у них горное орудие. В результате действий этого орудия в наружной

стене д. 23 по Малой Дмитровке появилась пробоина, а другой неразорвавшийся снаряд, не пробив стены ниже этой пробоины, так и остался неразорвавшимся в ней²⁷. Среди штурмующих чекистов и красногвардейцев были раненные и убитые. Ситуацию изменили два выстрела трехдюймового орудия и переброска 50 латышей из отряда Малькова. «Первым же снарядом искусные артиллеристы снесли горную пушку, стоявшую у подъезда „Дома анархии“. Второй выстрел разворотил стену, с треском полопались стекла во всех окнах. Поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, анархисты выкинули белый флаг. Штаб „черной гвардии“ капитулировал. Мы подошли к шапочному разбору»²⁸.

Впрочем, латыши, возможно, сыграли все-таки более важную роль, отнюдь не шапочную, как в воспоминаниях Малькова, о чем свидетельствует савинковец В. Ф. Клементьев, указывавший, что защитники особняка отступили только после подхода именно латышского отряда, который позволил им беспрепятственно уйти. Согласно Клементьеву, его впечатления 1918 г., позднее были подкреплены варшавскими свидетельствами 1921 г. Б. В. Савинкова и полковника Эрдмана²⁹.

Наиболее же упорное сопротивление было оказано анархистами, засевшими на Донской улице в доме Банкетова в Замоскворецком районе. Только использование артиллерии решило исход многочасового развернувшегося сражения и то не сразу. Когда верхний этаж особняка был разрушен орудийными выстрелами, осажденные из группы «Братство» перешли на нижний этаж здания и продолжали отстреливаться уже оттуда. Они сдались только в 2 часа дня.

Всего при разоружении со стороны анархистов было убито и ранено не менее 30 человек, красноармейские и чекистские потери исчислялись 10–12 ранеными и убитыми³⁰. Жертвы были, в первую очередь среди штурмовавших здания солдат. Так, при штурме особняка на Донской улице, от пулеметного огня и брошенных бомб погибло несколько красноармейцев Варшавского революционного полка. При попытке преодолеть чугунные ворота особняка погиб инструктор команды разведчиков полка А. В. Гадомский и разведчик Ф. К. Барасевич, впоследствии 16 апреля они будут захоронены у Кремлевской стены. Позднее там же будет похоронен Дубнев, скончавшийся от ран полученных 12 апреля³¹. Небольшое ранение в руку получил даже Ф. Э. Дзержинский, лично принимавший участие в освобождении одного из особняков³². Среди принимавших участие в разоружении латышских стрелков, по свидетельству

Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г.

П. Д. Малькова, потерь не было³³. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, свидетельствует о возможной двойной роли латышских стрелков в разоружении анархистов.

Большинство погибших анархистов оказались безымянными. Между тем, есть данные, скорее всего преувеличенные, об их расстрелах после ареста. Анархист Р., арестованный при разгроме 12 апреля писал: «Всех выстраивают в шеренгу и рассматривают... заподозренных отправляют в караульное помещение, из помещения к стенке цирка Соломонского и... трупы складывают в сарай... насчитывают около 40 трупов»³⁴. О нескольких десятках расстрелянных анархистов, «у которых обнаружили украденное, по-видимому, драгоценности, ценные бумаги, золото», писал 13 апреля 1918 г. Ж. Садуль³⁵. Жертвы были и после задержания, в результате «попыток к бегству» и других эксцессов. Наиболее известна трагическая судьба рабочего-анархиста М. С. Ходунова.

Арестованных в результате чекистской операции в Москве анархистов согласно официальным данным советских газет насчитывалось около 400 человек, из них четверть была немедленно освобождена³⁶. Тенденция минимизации численности арестованных анархистов и сокращения времени нахождения их под арестом прослеживается во всех последующих советских работах. В работе В. Владимировой также называлась цифра до 400 задержанных анархистов³⁷. В более поздних работах эта цифра варьировалась от 400 до 600. Впоследствии именно эта цифра станет общепринятой в советской, и, отчасти, в зарубежной историографии³⁸. Следует отметить, что Ж. Садуль оценивал количество арестованных также в 400–500 человек.

Вместе с тем, эти цифры представляются заниженными. Так согласно воспоминаниям П. Д. Малькова к полудню количество заключенных анархистов только на гауптвахте Кремля (основное место содержания арестованных анархистов, но не единственное) уже приблизилось к 800 человек. Очевидно, что газетные данные занижали численность задержанных анархистов как минимум вдвое.

Состав арестованных анархистов, как писала «Правда» оказался «весьма разношерстный – много женщин и подростков в форме различных учебных заведений. Отмечен целый ряд лиц с громким уголовным прошлым»³⁹. Учитывая среди задержанных большого количества рецидивистов, была задействована процедура опознания участников налетов и грабежей со стороны пострадавших. Ф. Э. Дзержинский разместил в московских газетах объявление о

приглашении всех граждан, пострадавших от вооруженных ограблений, явиться в уголовно-розыскную милицию (3-й Знаменский переулок) для опознания грабителей, задержанных при разоружении анархистских групп, в течение трех дней от 12 часов до 14 часов, считая первым днем 13 апреля⁴⁰.

«Следственными властями было выяснено, что среди арестованных 70 человек были ранее уголовными каторжанами, судившимися неоднократно за грабежи и убийства, и несколько десятков белогвардейцев»⁴¹. Вместе с тем, уголовное прошлое анархистов, очевидно, некоторым образом ранжировалось и 18 апреля согласно Владимировой задержанными оставалось уже только 50 лиц с уголовным прошлым⁴². Незадолго до этого в интервью газете Дзержинский давал схожие цифры – 66 человек: «За нами числится в настоящее время не 126, как указано в газете, «Вперед», а всего 66 человек, и сидят они не в подвале, а в сухом хорошем помещении; все они допрошены и всем предъявлено обвинение»⁴³.

18 апреля 1918 г. действия ВЧК были одобрены ВЦИК, который констатировал, что они «имели целью преследования не идейного анархизма, а борьбу с бандитизмом, независимо от тех названий, которыми этот бандитизм прикрывается»⁴⁴. Приветствовалась эта мера и населением и даже представителями иностранных государств, также страдавшими от разгула преступности в Москве. Интересный факт зафиксировала газета М. Горького «Новая Жизнь», согласно сообщению которой «консулы иностранных держав сообщили Советскому Правительству, что ответом на радиотелеграмму о победах советской власти над анархическими элементами явилось заграницей возвышение курса русского рубля»⁴⁵.

Впоследствии очень четко и образно охарактеризовал эти события и их смысл приехавший в 1919 г. в Советскую Россию известный английский писатель Герберт Уэллс: «Бандитизм был поставлен к стенке в Москве весной 1918 г.»⁴⁶. Даже спустя год, отношение московских собеседников Уэллса из числа иностранных граждан, проживающих в столице, к апрельскому разоружению анархистов было восторженным. Схожие настроения фиксировал и Ж. Садуль: «Троцкий сияет; население, включая буржуазию, приятно удивлено тем, как неожиданно быстро была подготовлена и проведена эта решительная операция по наведению порядка»⁴⁷.

Несколько иная позиция была у оппозиционных партий, которые опасались, что репрессии против анархистов лишь начало

общего наступления большевиков против иных партий, дальнейшее укрепление коммунистической диктатуры. Характерна публикация в меньшевистской газете. «Да стоит ли порядок, который обещают нам большевики, той страшной цены полицейского произвола, бессудных расстрелов и произвольных расправ, которой он достигается? И не во много ли страшнее для пролетариата этот режим полицейщины, боящейся света и гласности, нежели те несколько десятков преступников, от которых, быть может, и избавит нас большевистская расправа с анархистами», – говорилось в статье «Полицейщина против анархии», посвященной разоружению анархистов в Москве⁴⁸. «Оппозиционные партии подавлены. Такая же безжалостная расправа, по сути, грозит всем, кто попытался бы чинить препятствия правительству. Своим энергичным выступлением против наиболее сильной, наиболее организованной, наиболее популярной в пригородах партии оно заставляет остальных задуматься и сплачивать свои ряды», – писал Ж. Садуль⁴⁹. Попытка осуждения действий большевиков была предпринята 12 мая и в Моссовете, где разоружение анархистов меньшевиками и правыми эсерами характеризовалось, как недемократичное действие властей. Однако, большинство членов Моссовета предложенную резолюцию оппозиции отвергли, признав обоснованность действий ВЧК⁵⁰.

Разоружение же анархистов в Москве было отнюдь не местным, пускай и столичным явлением. Не только освобождение особняков для переехавшей власти из Петрограда в Москву было их целью. Оно послужило толчком к проведению подобных акций в апреле-мае 1918 г. в других городах: Витебске, Воронеже, Курске, Н. Новгороде, Петрограде, Самаре, Таганроге, Тамбове, Туле, Царицыне и многих других⁵¹. Разоружались в этот период и многочисленные эсеров-максималистские отряды. Решая отчасти проблему преступности, эти повсеместные акции, вместе с тем укрепляли положение большевиков, ликвидируя альтернативные вооруженные отряды, неподконтрольные им и потенциально поэтому опасные.

К этому времени в Москве ВЧК были подготовлены обвинительные документы по уголовной деятельности отдельных задержанных анархистов. ВЧК были расстреляны 12 анархистов. Каждый из них был отобран, представляя для населения яркий пример срастания анархизма с явной уголовщиной. Особенно ярким примером была подробно освещенная

в советских газетах деятельность руководителя группы «Граком». Лапшин-Липковиц, согласно следственным материалам, стремясь получить признание о спрятанных ценностях, практиковал скальпирование жертв с дальнейшим поливанием одеколоном, и другие виды пыток⁵².

Подобные примеры давали обоснование для дальнейшей широкой трактовки термина «бандитизм» к своим политическим противникам. Разоружение анархистов было первым шагом в этом направлении.

Примечания

¹ Велидов А. С. На пути к террору // К истории ВЧК–ОГПУ: без вымысла и купюр. СПб., 2011. С. 110.

² См.: Ходяков М. В. Фальшивомонетки в Петрограде–Ленинграде в 1917–1930-е гг. // История Петербурга. 2001. № 2; Ходяков М. В. Сомнительные деньги: фальшивомонетки в годы революции и гражданской войны // Родина. 2002. № 7.

³ Велидов А. С. Указ. соч. С. 111. Плеханов А. М. Дзержинский: первый чекист России. М., 2007. С. 57.

⁴ Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10. С. 5–32.

⁵ Известия ВЦИК. 1918. 23 февр.

⁶ Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве в 1917–1920 гг. М., 1978. С. 156.

⁷ Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве, 1918–1920 гг. М., 1998. С. 139.

⁸ Клименко В. А. Указ. соч. С. 159.

⁹ Клементьев В. Ф. Указ. соч. С. 140.

¹⁰ Liesma. 1918. № 1, июнь.

¹¹ Там же.

¹² Клименко В. А. Указ. соч. С. 155.

¹³ Ковалева Т. В. Из «разжалованной столицы»: по материалам оппозиционной прессы 1918 г. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 45–46.

¹⁴ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978. Кн. 1. С. 157–158; Плеханов А. М. Указ соч. С. 500–501.

¹⁵ Известия ВЦИК. 1918. 3 апр.

¹⁶ Там же. 16 апр.

¹⁷ Курицын В. М. Становление социалистической законности. М., 1982. С. 30; Абрамов А. У кремлевской стены. 4-е изд., доп. М., 1981. С. 97–98.

¹⁸ Это не был единственный «автомобильный конфликт» анархистов с советской властью. В начале апреля в гараже СНК анархисты пытались захватить автомашину, подготовленную для В. И. Ленина (Клименко В. А. Указ. соч. С. 158).

¹⁹ Известия ВЦИК. 1918. 16 апр.

²⁰ Отряд гренадер-фанагорийцев во главе с последним командиром Фанагорийского гренадерского полка полковником Викторовым.

Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г.

- ²¹ Гиацинтов Э. А. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 64.
- ²² Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 260–261; Клименко В. А. Указ. соч. С. 158.
- ²³ Карр Э. История Советской России. М., 1990. Кн. 1. С. 141.
- ²⁴ Правда. 1918. 13 апр.
- ²⁵ Локкарт Р. Г. Брюс. История изнутри: мемуары британского агента: пер. с англ. М., 1991. С. 238.
- ²⁶ Мальков П. Д. Указ. соч. С. 267–268.
- ²⁷ Федоров А. Н. Хроника повседневной жизни москвича в послереволюционном городе, 1917–1918 гг.: жилищный вопрос // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. М., 2010. С. 78.
- ²⁸ Мальков П. Д. Указ. соч. С. 268–269.
- ²⁹ Клементьев В. Ф. Указ. соч. С. 139–140.
- ³⁰ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. М., 1927. С. 185.
- ³¹ Абрамов А. Указ. соч. С. 95–97, 103.
- ³² Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский: биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 193.
- ³³ Мальков П. Д. Указ. соч. С. 270.
- ³⁴ Уралов М. Кошмар. М.: Почин, 1918; Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922.
- ³⁵ Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990.
- ³⁶ Правда. 1918. 13 апр.
- ³⁷ Владимирова В. Указ. соч. С. 185.
- ³⁸ Карр Э. Указ. соч. С. 141; Голиков Д. Л. Указ. соч. С. 158.
- ³⁹ Правда. 1918. 13 апр.
- ⁴⁰ Мальков П. Д. Указ. соч. С. 272.
- ⁴¹ Владимирова В. Указ. соч. С. 185.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Известия. 1918. 16 апр.
- ⁴⁴ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 130.
- ⁴⁵ Новая Жизнь. 1918. 14 апр.
- ⁴⁶ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 31.
- ⁴⁷ Садуль Ж. Указ. соч. М., 1990.
- ⁴⁸ Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 – середина 1950-х г. М., 1999. С. 25.; Вперед! 1918. 21 апр.
- ⁴⁹ Садуль Ж. Указ. соч. М., 1990.
- ⁵⁰ Плеханов А. М. Указ. соч. С. 504.
- ⁵¹ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве, 1917–1941. Уфа, 1994. С. 96–103; Клименко В. А., Морозов П. М. Указ. соч. С. 15. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб., 2006. С. 77–80.
- ⁵² Известия ВЦИК. 1918. 31 мая.